

АНАТОЛИЙ ПЕТРИЦКИЙ: Куклы - 2006 - 21-27 лет - с. 12.

Главное в моей жизни – “Война и мир”

Работа над такими фильмами, как “Мимино” и “Мой ласковый и нежный зверь”, может украсить творческую биографию любого оператора. Но Анатолию ПЕТРИЦКОМУ судьба преподнесла особенный дар. Уже в начале своей профессиональной деятельности ему посчастливилось принять участие в создании “Войны и мира” Сергея Бондарчука. В декабре известному кинооператору Анатолию Петрицкому исполнилось 75 лет.

– Анатолий Анатольевич, ваш отец был художником, работал в театре и недолюбливал кинематографистов. Тем не менее вы пошли в кино. Почему?

– Отец вынужден был работать в театре, поскольку надо было каким-то образом жить. Как живописца его не принимали, критиковали, несмотря на то что его картины выставлялись на биеннале в Венеции. Он и меня пытался приучить к живописи, но ничего не получилось: очевидно, я не имел данных для этого.

Война застала нас в Харькове. Деятели искусства, в том числе и моего отца, как людей ценных решили эвакуировать. Маму же оставили рыть окопы под Харьковом. Мы с отцом попали в Алма-Ату, где мамин дядя был начальником кинопроката. Он постоянно снабжал меня билетами на различные просмотры. Но даже американские фильмы, которые там показывались, не сильно увлекли. Больше всего меня интересовала фотография, даже фотохимия. Возможно, с этого и началось мое увлечение кино. В итоге я захотел стать кинооператором.

– Уже в самом начале профессиональной деятельности вам посчастливилось работать с главным в то время советским режиссером – Сергеем Бондарчуком. Какими качествами должен был обладать кинематографист, чтобы достичь такого статуса?

– Все относительно. Не умаляю заслуг Бондарчука, но Даниеля, с которым я тоже работал, снял больше картин.

– Даниеля снимал комедии, а Бондарчук работал с имперским размахом.

– Сергея Федоровича действительно тянуло на имперское искусство. Он имел соответствующую фигуру. Я был еще студентом, когда с удивлением прочел, что Бондарчуку за исполнение роли Тараса Шевченко присвоено звание народного артиста СССР. Мой отец был народным художником СССР, я знал нескольких народных, но все это были люди далеко не молодые. А Бондарчуку было около тридцати – это выходило за рамки обычного.

У Даниеля есть такой рассказ. Од-

С. Бондарчук (слева) и А. Петрицкий на съемках “Войны и мира”

нажды Бондарчуку позвонил Василий Сталин: “Поставишь бутылку за хорошее известие? Приходи в “Арагви” в двенадцать”. Бондарчук пришел. Вася Сталин сидит в генеральской форме с какими-то людьми. Показывает журнал “Огонек”, на обложке которого – фотография Бондарчука в роли Шевченко. Под фотографией подпись: “Заслуженный артист УССР Сергей Бондарчук”. А наверху красным карандашом исправлено: “Народный артист СССР Сергей Бондарчук”. И подпись: “Сталин”.

Желающих снимать “Войну и мир” было много. А выбрали Бондарчука. И дали большую государственную поддержку, без которой кино такого масштаба снять невозможно. Советский Союз стремился доказать, что является передовой державой мира: запустили первый спутник, первого космонавта... А тут американцы выпустили “Войну и мир” – известнейшее произведение русского писателя! Утверждать актерские пробы приезжала лично министр культуры Фурцева. Редко кому из режиссеров оказывали такую честь. Министр обороны помог собрать дивизию для массовки. Со звали даже кавалерийский полк, которого в то время уже не было. Военным консультантом стал генерал армии Михаил Марьянович Попов, командовавший Ленинградским фронтом, а консультантом по кавалерии – генерал Осликовский, герой Советского Союза.

Главным оператором назначили Александра Шеленкова, у которого я до этого работал помощником на картине “Коммунист”. Поскольку “Войну и мир” надо было снимать в двух разных форматах, то Шеленков предложил мне работу. В итоге я стал первым оператором, поскольку случи-

лись разногласия у Шеленкова и Бондарчука.

В то время на киностудии многие были настроены против Сергея Федоровича. Ему завидовали. Студия делилась на творческие объединения. Я работал тогда под руководством Ивана Пырьева. Когда меня позвали к Бондарчуку, то Пырьев стал всячески меня отговаривать, и я оказался тогда в очень сложном положении. Прекрасно понимал, что от таких картин не отказываются. Эта картина – самое главное, что я в жизни сделал.

– С Даниеля вы тоже сняли только один фильм...

– Даниеля – тоже суровый человек. Режиссер не может быть другим. Он должен быть жестким и требовательным по сути. Не скажу, что Бондарчук был жестким по отношению ко мне. Иногда высказывал недовольство, но это нормально в таких условиях. Когда мы начали работать, он предложил перейти на “ты”, но я почему-то отказался. У меня был помощник Сережа, и когда я кричал ему: “Сережа!”, то Бондарчук первое время принимал это на свой счет.

С Бондарчуком у нас разница в возрасте одиннадцать лет, а с Даниеля – всего год. Поэтому и отношения были другие. Общались на “ты”, но в группе я всегда говорил ему: “Георгий Николаевич”. Старался соблюдать субординацию. Но не сказал бы, что с Даниеля легче было работать. Бывало, я кричал: “Зачем я согласился с тобой работать?!” Что объединяло этих двух режиссеров, так это продуктивность работы.

Беседу вел
Олексий-Нестор
НАУМЕНКО